

Семьдесят пять лет назад родился Александр Галич, человек с удивительной судьбой! Открыла его «Комсомолка» напечатав в 1936 году заметку Эдуарда Багрицкого с лестной оценкой молодого поэта. Сам Галич потом писал, что эта публикация помогла при поступлении в Литературный институт, куда его приняли после девятого класса.

Многие почитатели Галича твердо уверены, что знают все его тексты, но вот—отрывок и одного стихотворения, которое не печаталось нигде:

Город мой!
 За дальними горами
 Город мой!
 За синими морями,
 Я к тебе когда-нибудь
 вернусь!
 Там, наверно, мамы вечерам
 Наши письма учат наизусть
 Поверяют с гордостью
 соседям

Ком. прав 94. - 1993 - 13016. - с. 8

Город мой—за дальними горами

75 лет назад родился Александр Галич

Наспех нацарапанный
 рассказ!
 Не волнуйтесь, мамы!
 Мы приедем!
 Не волнуйтесь!
 Ждите нас!

Меньше всего этот отрывок похож на юношескую пробу пера.

Поздним вечером я заходил наугад в комнаты общежития МГУ, показывал всем групповую фотографию и просил назвать тех, кто на ней изображен. Мое настроение менялось крайне быстро—удивление, недоумение.

В это трудно поверить, но Иосифа Бродского знает в лицо чуть больше половины студентов, Мстислава Ростроповича и Галину Вишневскую—треть, Александра Галича—четверть, а узнать Михаила Барышникова смогли лишь двое из ста опрошенных.

Галич, Ростропович, Вишневская, Барышников, Бродский, кто же они сегодня? Герои вчерашних дней? Неужели мое поколение двадцатилетних выбрало пепси, «Сникерс», Богдана Титомира и Ладу Дэнс? Разрывается связь времен.

Опять над Москвою пожары
 И грязная наледь в крови.

Но это уже не татары,
 Похуже Мамаю—свои!

Между прочим, написаны эти строчки Галичем больше двадцати лет назад, но время сделало их актуальными сегодня. Один из моих друзей последнюю неделю поет под гитару только песни Галича, говорит, что чувствует в них созвучие происходящему.

«Для меня творчество Галича—веточка свободолобивой неформалистской литературы,—сказал мне в короткой беседе Олег Павлович Табаков.—Она существовала во все

времена и в царской России, и в России ленинской и сталинской. Не зря же против Галича, Высоцкого, Окуджавы и били орудия главного калибра нашего руководства культуры. «Почем фунт этого успеха? Для кого они поют? За что им аплодируют?»—вот какие задавались вопросы. А ведь это была нормальная свободолобивая русская литература. Галич своими песнями добывал кислород для нашего задыхающегося общества... Но прежде всего Галич для меня—автор «Матросской тишины»...»

Уже пять лет в Театре-студии Табакова идет «Матросская тишина»—едва ли не самая дорогая Галичу из его пьес. В 1958-м она была запрещена. В день рождения Александра Аркадьевича число сыгранных табакочками спектаклей перевалило за сотню.

Галич предчувствовал свой

отъезд и еще до вынужденной эмиграции написал удивительно проникновенную песню «Когда я вернусь». Вот только вернуться ему было уже не суждено. Нелепая смерть—по ошибке воткнул в антенну сетевой провод—прервала жизнь поэта. Остались книга прозы, томик стихов, километры магнитофонной пленки.

Понимаю, что просьба
 тщетна,—

Поминают поименитей!
 Ну, не тризною,

так хоть чем-то,
 Хоть всухую, да помяните!

Хоть за то, что я верил
 в чудо,

И за песни, что пел
 без склада,

А про то, что мне было худо,
 Никогда вспоминать не надо!
 Добрая память вам, Александр Аркадьевич, вас не забыли в России.

Алексей БЕЛЫЙ.